

Небо ещё не посветело, и тонкий слой серого света укутывал Резиденцию генерала, защищающего государство.

Староста Фу разбудил Ци Цинцы.

Совсем не похожий на вчерашнее испуганное и беспомощное состояние, после бессонной ночи, проведенной в метаниях, он уже чётко знал, чего хочет.

Мать Ци покрасневшими глазами и дрожащими руками помогала Ци Цинцы облачиться в тяжелые парадные одежды. Холодные металлические пластины касались кожи, точно так же, как её остывшее в этот миг сердце. Поправляя замысловатые пояса, она сквозь слёзы жалела сына:

— У кого из благородных Шуаньэров нежная жизнь, их лелеют на ладонях, и только наш Цинэр... должен притворяться старшим братом и идти в этот пожирающий людей императорский двор...

При мысли о своем безжизненном старшем сыне, лежащем на постели, мать Ци преисполнилась еще большей скорби, и слёзы градом покатались из её глаз.

Ци Цинцы с трудом приподнял скованную доспехами руку, подушечками пальцев мягко утёр слёзы с лица матери и, понизив голос, прошептал так, чтобы услышала только она:

— Матушка, верь мне.

Сейчас у него не было времени на долгие утешения — время не ждало, ему было необходимо отправляться во дворец на аудиенцию.

Однако стоило лишь завершить облачение в парадные одежды, символизировавшие высшую степень славы и тяжелые оковы, как парадные ворота с громким стуком грубо распахнули снаружи!

— Г-генерал! Беда! — слуга влетел во внутренний двор, кубарем катясь по земле, и его голос дрожал, словно в лихорадке. — Из... из дворца гость! Говорят... милость императора!

Милость?

Движения Ци Цинцы, поправлявшего одежду и доспехи, на мгновение замерли, и густая волна тревоги подступила к горлу.

Хотя вчера он общался с Янь Бэйсюанем в самом что ни на есть настоящем смысле, он уже предельно ясно понял:

Янь Бэйсюань — та еще сволочь!

Ласка пришла к курятнику пожелать птицам здоровья, да не с добрым умыслом!

Этот старый хрыч Янь Бэйсюань какую опять гадость затеял? Вчера только прислал придворного лекаря разыгрывать комедию, а сегодня выкатил тяжелую артиллерию? Это он непременно хочет выжать из меня последние сокровища до суха, прежде чем уgomонится?

Он невозмутимо разгладил последнюю складку на одежде, взглядом показал матери, что всё в порядке, после чего уверенным шагом направился в передний зал.

Однако, не успел он даже переступить порог, как в лицо ударил приторный аромат пудры и румян.

Во дворе перед передним залом стоял главный евнух — безбородый, с тучным телосложением, его бегающие треугольные глазки зыркали по сторонам. Заметив выходящего Ци Цинцы, он тут же растянул рот в улыбке и завизжал пронзительным голосом:

— Ой-ёй, генерал Ци, вы наконец-то вышли! Живо готовьтесь принять указ, не заставляйте императорскую милость ждать.

Когда Ци Цинцы выстроил людей из Резиденции генерала на коленях, старый евнух с довольным видом заломил пальцы в форме бутона орхидеи и, пронзительно растягивая гласные, принялся зачитывать императорский указ.

А за его спиной горы золота, серебра, нефрита, узорчатого шелка и парчи образовали две небольшие возвышенности, слепя глаза своим блеском.

Но еще сильнее золота и серебра глаза резали двенадцать стоявших на коленях во дворе прелестных дев!

Пышные и хрупкие, высокие и миниатюрные, каждая со своей изюминкой.

На них были лишь тонкие, как крыщи цикады, марлевые одежды, они дрожали от утреннего холодного ветра, а по обнаженной коже побежали мурашки. Их жалостливый вид словно был тщательно рассчитан так, чтобы пробудить в любом мужчине инстинкт защитника.

— ...Я, помня о ранении генерала на благо государства и его одинокой участи, жалую двенадцать красавиц в утешение генералу. Надеюсь, генерал поправит здоровье и не обманет моих ожиданий! Исполнять!

Евнух пропищал последнюю фразу, и складки на его улыбающемся лице, казалось, могли

насмерть защемить комара. Держа в руках ярко-желтый свиток, он протянул его вперед.

— Генерал Ци, принимайте указ. Это же величайшая милость! Все эти красавицы отобраны лично императором из Императорского парка, одна к одной — нежные и заботливые, искуснее всех умеют угождать людям.

Скорее уж величайшая месть!

Ци Цинцы сдерживал себя, до боли сжимая зубы — еще немного, и они бы раскрошились.

Черт возьми! Янь Бэйсюань, ты конченный извращенец! Ни единого нормального поступка от тебя не дожدهшься?!

Прислать мне женщин? Уж лучше бы сразу прислал два гроба — мне и моему брату по штуке, я бы еще и вырезал тебе табличку с пятью звездами благодарности!

Да кто во всей Столице не знает, что мой брат Ци Цинюэ — это армейский живой Яньлó, бесстрастный и чуждый плотским утехам! Черт побери, не то что женщин — в военном лагере даже мухи-самки облетают всё стороной! Ты сейчас пихаешь мне целый десяток красавиц, хочешь, чтобы мой образ бога войны мгновенно рухнул в прямом эфире?!

И что еще важнее, Ци Цинцы серьезно подозревал, что все эти красотки — шпионы, подсланные Янь Бэйсюанем.

Подсовывает ему медовую ловушку!

Тц. Жаль, как жаль! Каждая — загляденье, да только любоваться можно, а трогать нельзя!

Этот старый хрыч определенно сделал это нарочно! Он просто хотел посмотреть, как я потеряю самообладание, как опозорюсь! Какой же подлец! Душа насквозь прогнила!

Тем временем у ворот резиденции уже яблоку негде было упасть от привлеченных новостью зевак и чиновников, ехавших поутру на службу.

Император жалует богу войны красавиц — развлечение прямо перед глазами, грех не посмотреть.

Бесчисленные взгляды — любопытные, злорадные, пытливые — сошлись на стоящем на коленях Ци Цинцы, выжидая, как же он справится с этой раскаленной картошкой.

Принять или не принять?

Примет — и его безупречная репутация неподкупного бога войны Ци Цинюэ в один миг превратится в посмешище для всей Столицы, а авторитет рухнет.

Не примет — значит, проявит неповиновение императорскому приказу, открыто оскорбит лицо сына Неба.

Какой бы путь ни выбрал, с какой стороны ни посмотри — везде верная гибель!

Евнух, глядя на потемневшее лицо Ци Цинцы, заметил в глубине его глаз едва уловимую усмешку, но сам торопливо подгонял:

— Генерал Ци? Что же вы не принимаете указ? Это ведь благоволение самого императора, неужто вы... пренебрегаете даром государя?

Игра на амбициях?

Ци Цинцы мысленно усмехнулся: А или Б?

Тогда он выбирает и то, и другое!

Ци Цинюэ не стал брать свиток, вместо этого он выпрямил длинные ноги и шаг за шагом спустился по ступеням.

Его шаги были нетяжелыми, но от них утих весь шум во дворе.

Ци Цинцы направился напрямик к двенадцати красавицам.

Его взгляд, словно самый острый зимний ветер, полоснул по каждому прекрасному лицу.

От его взгляда девицы застыли всем телом, склонив головы, так что даже дышать стали предельно осторожно.

В тот самый момент, когда все решили, что он проявит упрямство и, наплевав на императорский авторитет, выгонит красавиц пинками, Ци Цинцы наконец заговорил.

Его голос звучал негромко, но был пропитан ледяным холодом.

— Императорская милость велика, но я, ваш слуга, не смею её принять.

Он медленно повернулся, и его пронзительный взгляд обвел всех присутствующих во дворе,

пронзив толпу и упав на тех чиновников, что прятались вдали по каретам в ожидании зрелища.

— На Севере еще не утихла война, и триста тысяч воинов Великого Янь проливают кровь за родину в ледяной пустыне!

И бесчисленны те, кто нашел свои кости на чужбине!

Его голос резко взмыл вверх, и каждое слово, казалось, вырывалось из самой груди, звеня лязгом мечей и топором конницы!

— Я, Ци Цинюэ, главнокомандующий трех армий, разве могу наслаждаться теплом уютного ложа и остужать сердца солдат?!

Кровь наших воинов еще не высохла!

Эта речь прозвучала тяжелым ударом в барабан, потрясая до глубины души!

Среди зевак-горожан у многих сыновья и братья служили в войсках — услышав эти слова, они мгновенно покраснели глазами, разделив чужую боль. Один поседевший старый солдат в волнении забил себя в грудь и громко поддержал:

— Генерал прав! Отлично сказано!

От такого поворота двенадцать красавиц перепугались до полусмерти, дружно рухнули на колени и задрожали.

Ци Цинцы даже не взглянул на них, обратившись к главному евнуху.

— Потрудитесь передать императору. Этих даров я, ваш слуга, принять не могу.

— Это... — улыбка застыла на лице евнуха. — Генерал! Вы что же, решили послушаться императорского указа?!

— Послушаться указа? — усмехнулся Ци Цинцы, и в этом смехе звучали сплошное презрение и гордость. — Если государь непременно захочет покарать меня, я, Ци Цинюэ, приму наказание сполна!

Но! — он резко сменил тон, и его взгляд снова упал на толпу красавиц, а голос стал еще зловещее. — Если вы, прежде чем я приму смерть, и впрямь пылаете преданностью родине, отправляйтесь с похоронными отрядами моей Армии семьи Ци ухаживать за вдовами и сиротами воинов, отдавших жизни за страну! Своими руками залечите раны этих разбитых

семей!

Если же вы жаждете лишь богатств и пришли в мою резиденцию в надежде взлететь наверх...

Он сделал паузу, и в глазах его мелькнула смертоносная искра.

— Тогда покончите с собой прямо здесь, чтобы вашей скверной не осквернять порог Резиденции генерала, защищающего государство!

Хотят посмеяться надо мной? Янь Бэйсюань, я просто разломал твою сцену и построил свою, чтобы петь панегирики! Каково тебе?

Что значит широта взглядов? Вот это и есть широта взглядов!

Евнух лишился дар речи.

И что он мог сказать? Заявить, что генерал не должен жалеть солдат? Что он не должен радеть за всю Поднебесную?

Посмей он вымолвить хоть слово, плевки столичных жителей заживо утопили бы его!

Так что оставалось лишь проглотить зубы вместе с кровью и с позором возвращаться с докладом.

— Евнух, прошу погодите.

В этот момент Ци Цинцы остановил его.

Под изумленными взглядами всех присутствующих Ци Цинцы медленно достал из пазухи черную металлическую бирку.

На ней зловеще и устрашающе выделялся барельеф скорпиона.

Поддерживая бирку, он подошел к евнуху, и его негромкий голос отчетливо долетел до ушей каждого.

— Возвращаясь в Столицу, этот генералы столкнулся с мерзкими наемниками и едва не расстался с жизнью. Эта вещь была найдена на теле одного из убийц.

Он приподнял бирку, и черный скорпион в лучах утреннего солнца словно ожил, источая

зловещую ауру.

— Император проницателен и видит всё насквозь, его глаза и уши повсюду в Поднебесной. Не соизволит ли евнух увезти эту вещицу и преподнести государчу, чтобы тот разрешил мое сомнение?

Что это за штука?

Этот ход был подобен grosu среди ясного неба!

Он прямо на глазах у всех обнародовал новость о том, что подвергся покушению и ведет расследование!

Это было самое прямое предупреждение тому крысиному отродью, что пряталось в тени!

Я знаю о вашем существовании.

И скоро император тоже узнает!

Евнух смотрел на бирку, чувствуя, как у него дрожат руки: эта штука была не просто жетоном, а раскаленным железом, способным испепелить его душу.

Он понимал, что обязан взять эту вещь и обязан отвезти её обратно.

И каждое слово, сказанное здесь сегодня, с молниеносной быстротой разнесется по всей Столице.

Ци Цинцы стоял у ворот генеральской резиденции.

Утренний ветер трепал полы его парадных одежд, заставляя их шумно хлопать.

На его лице по-прежнему застыло отчужденное выражение, отталкивающее людей на тысячу ли вокруг.

Словно заявляя прячущимся впотьмах крысам, что Ци Цинюэ ждет их здесь.

Добро пожаловать делать ход!

<http://bllate.org/book/22366/2345381>